

ТОМСКИЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ четыре раза въ мѣс.
Цѣна годовому изданію шесть
рублей съ пересылкою.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи Томскихъ Епархіальныхъ Вѣ-
домостей при Томской семинаріи.

годъ

1-го Іюня 1904 года.

XXV.

ВЫПУСКЪ I.

Ненормальная жизнь.

Жизнь современнаго намъ русскаго культурнаго, интеллигентнаго общества признается представителями самой интеллигенціи ненормальной.

Еще недавно русское общество не вѣрило предостерегающимъ голосамъ, которые раздавались съ церковной кафедрѣ и которые убѣждали оставить ложный путь и вернуться на истинный.

Пѣли мы вамъ плачевныя пѣсни, но вы не плакали.

Много надо было имѣть проповѣдникамъ мужества, чтобы ликующему образованному обществу напоминать о правдѣ, судѣ и о грѣхѣ (См. Ев. Іоанна.)

Благо нашему отечеству, что оно имѣло и имѣетъ проповѣдниковъ, по мужеству духа и любви къ родинѣ напоминающихъ древнихъ пророковъ Божіихъ...

Теперь само общество въ лицѣ писателей свѣтскихъ произноситъ надъ собою судъ и произноситъ сознаніе въ своихъ грѣхахъ.

Раскаяніе пришло нѣсколько поздно, когда уже гнѣвъ Божій сталъ уже явнымъ: но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Мало думали мы—образованные о себѣ, о своемъ внутреннемъ достоинствѣ, перенося честь съ себя на всѣ новѣйшія изобрѣтенія, утѣшая себя странною мыслью, какъ будто мы стали лучше отъ того, что, напр., теперь можно съ *большими удобствами* путешествовать...

Бѣда за бѣдой въ послѣдніе годы шли вереницею: убійства, бѣдствія народныя, волненія учащейся молодежи, безпокойства внутри, тревоги извнѣ: все это говорило намъ о томъ, что жизнь у насъ идетъ ненормально.

„Такъ жить нельзя“: вразумительно и благовременно Томскій Архипастырѣ въ 1902 г. предостерегалъ свою паству, когда говорилъ рѣчь предъ панихидою объ убиенномъ Министрѣ Сипягинѣ. *)

„А мы, кажется, мало думаемъ объ этомъ. Выражаясь библейскими словами: бьютъ насъ, и намъ не больно; толкаютъ насъ, и мы не чувствуемъ (Притч. 23, 35) мы какъ бы близимся къ состоянію нравственнаго безчувствія“...

*) См. эту рѣчь въ III вып. рѣчей Еп. Макарія Томскаго 1904 г. стр. 257.

„Нужно намъ подумать“... Архипастыръ призывалъ собравшихся на панихиду (а это все были слушатели изъ интеллигенціи) сознаться, что 1) *религиі отводится* (по живописному выраженію оратора) *мѣсто у самого порога*. Развѣ это не правда? 2) что мы вертимся въ водоворотѣ и живемъ какъ язычники, интересами низбенныхъ потребностей въ хлѣбѣ и зрѣлищахъ.

Преосвященный уповательно увѣрялъ слушателей, что они поймутъ и своимъ умомъ настоящій смыслъ жизни „въ свое время“, послѣ, когда событія совершатся и сдѣлаются достояніемъ исторіи.

Время это пришло. Событія мы уже переживаемъ...

Пришло и сознаніе грѣха въ ненормальной жизни интеллигентнаго общества.

Вотъ судъ надъ нимъ по книгѣ любимаго теперь писателя А. Чехова.

Но, пусть раскаявающіеся сами о себѣ говорятъ устами своихъ же писателей-публицистовъ.

„Характеризуя“ Вишневый садъ“, новое произведеніе Ан. П. Чехова, А. С. Суворинъ пишетъ въ „Новомъ Времени“.

Это яркая картина русской жизни, распушенности, халатности, ничегонедѣланія, благородныхъ разговоровъ, именно благородныхъ монологовъ, а не чувствъ и не дѣйствій. „Восьмидесятникъ“, одинъ изъ ничтожнѣйшихъ людей, но по своему хорошій человѣкъ, говоритъ одушевленный монологъ, обращаясь къ столѣтнему книжному шкафу. Это очень зло. Благородное пустословіе дальше этого идти не можетъ. Дерево остается деревомъ, а и люди не лучше, ибо они слушаютъ апатично и чѣмъ старѣе, тѣмъ апатичнѣе.

Охаютъ, ахаютъ, видятъ, что все трещитъ и ломается, но все надѣются на то, что авось-нибудь случится, что бабушка

дать денегъ, тетушка смилуется, выпадетъ выигрышъ въ 200 тысячъ, а то такъ просто какое-нибудь чудо совершится, какая нибудь неожиданность явится на выручку. А жизнь ни на юту не мѣняется. Все изо дня въ день, одно и тоже, нынче, какъ вчера.

Говорятъ, наслаждаются природой, изливаются въ чувствахъ, повторяютъ свои излюбленныя словечки, пьютъ, ѣдятъ, танцуютъ,—танцуютъ такъ сказать на вулканѣ, накачиваютъ себя коньякомъ, когда гроза разразилась, или вспоминаютъ свои амуры, плачутъ, кричатъ въ безсиліи и, какъ стадо беззащитныхъ овецъ, безмолвно уходятъ въ такую же жизнь бессмысленную, недѣятельную, глупую, но съ постоянной надеждой лѣниваго нищаго, который вполне увѣренъ, что съ голоду не умретъ и даже кто-нибудь такъ раскошелится, что и выжить можно, и съ женщиной позабавиться и сытно поѣсть хоть изрѣдка.

И все это „порядочные“ люди, честные люди, съ гордостью. Интеллигенція, вприснутая въ это дворянство говоритъ хорошія рѣчи, приглашаетъ на новую жизнь, а у самой нѣтъ хорошихъ колошъ. Полуинтеллигенція-пишетъ Суворинъ,—кулачество, работаетъ и забираетъ дворянскія имѣнія и все то, что интеллигенція не въ силахъ взять.

Россія, сдѣлавшая заемъ денежный, „откровенно“ ищетъ, гдѣ бы сдѣлать заемъ духа, честной энергіи, куда бы намъ сбыть наслоенія лукавой лѣни, разлагающей нерѣшительности, привычки жить дѣдовскими запасами, оглядываясь на все еще успокоительную ихъ кучу, однако какъ будто уже и убывающую“ („Русь“—газ.).

Гдѣ взять заемъ духа? Волей-неволею, мало по малу современное общество обращаетъ свои взоры къ той сокровищницѣ духа, отъ которой еще такъ недавно отвертывалось; снова ищутъ спасенія въ христіанской Вѣрѣ.

Въ этихъ интересахъ столбцы свѣтскихъ газетъ уступаются лекціямъ священника или въ другихъ въ подробностяхъ воспроизводятся біографіи философовъ—христіанъ.

Протоіерей І. Панормовъ.